

его лучших сочинений, однако несут в себе определенную эмоциональную сопричастность внутреннему миру переводчика, сочувствовавшего обездоленным, искавшего справедливости в обществе и человеческих отношениях. Несомненной заслугой Мина было и то обстоятельство, что он впервые обратил внимание на прежде неизвестного русским читателям Бьюкенена, представил на русском языке характерные образцы его творчества.

Список литературы

1. Бьюкенен Р. Баллада об Иуде Искариоте / Р. Бьюкенен ; пер. С. Шоргина // Семь веков английской поэзии: Англия, Шотландия, Ирландия, Уэльс : в 3 кн. – М. : Водолей Publishers, 2007. – Т. 3. – С. 71–77.
2. Мин Д. Е. Лондонская идиллия. Из Роберта Буканана / Д. Е. Мин // Русский вестник. – 1880. – Т. 150, № 11. – С. 74–85.
3. Мин Д. Е. Смертная казнь в Лондоне (Из Роберта Буканана) / Д. Е. Мин // Новое время. – 1896. – № 7469 (11 (23) дек.). – С. 6.
4. Dickens Ch. Sketches by Boz / Ch. Dickens. – London, 1976. – 208 p.
5. Selected Poems of Robert Buchanan : in 5 vol. – London, 1882. – Vol. I: London Poems. – 528 p.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «КУКЛА» В РАССКАЗЕ Ю. КОВАЛЯ «КРАСНАЯ СОСНА»

М.Ю. Звягина

В статье рассматривается концептуальное поле лексемы «кукла», выявляются смысловые оппозиции названного концепта. В рассказе Ю. Ковалю «Красная Сосна» прослеживается реализация традиционных коннотаций концепта «кукла» с характерными для поэтики этого писателя смысловыми метатезами.

The article deals with a concept field of a lexeme “a doll”, the author reveals semantic oppositions of the mentioned concept. The novel “The red pine” by U. Koval contains the implementation of traditional connotations of a concept “a doll” and semantic metatheses which are typical for the author’s poetics.

Ключевые слова: концепт, периферийное значение, ассоциативный фон, концептуальное поле, реализация метафоры, смысловые оппозиции.

Key words: concept, contiguous meaning, association content, concept field, implementation of a metaphor, semantic oppositions.

В художественной картине мира Ю. Ковалю важное место занимает концепт, который репрезентирован словом-номинатором «кукла».

Концепт «кукла» относится к миру артефактов. Авторитетные словари русского языка отмечают в качестве основного значения лексемы «кукла» «детская игрушка в виде фигурки человека, предназначенная для игр». Так, в «Словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова лексическое толкование языковой единицы «кукла» таково: «Детская игрушка в виде фигурки человека, а также фигура человека или животного в специальных театральных представлениях» [7, с. 267]. «Большой толковый словарь» фиксирует следующее основное значение: «Детская игрушка в виде фигурки человека» [2]. В словаре Ушакова находим: «Кукла – <...> подобие человека, животного, сделанное из какого-нибудь материала для забавы детей или для театральных представлений» [8]. «Толковый словарь живого великорусского языка»

В.И. Даля в качестве основного значения также выделяет «сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного» [3, с. 213]. Аналогичную ситуацию отражают и словари европейских языков. В “Oxford student’s dictionary of current English” основное значение слова *doll* – “... 1. model of a baby or person, usually for a child to play with” [9, с. 182]. В “La dictionnaire multifonctions” также “*poupée* – ... 1. Petite figure humaine qui sert de jouet aux petites filles” [12]. В “Diccionario de la lengua Española” значение слова “*muñeca*” более конкретизировано. Это не просто «фигурка человека», а «фигура женщины»: “... 2. *Figura de mujer que sirve de juguete*” [11]. В «Испанско-русском словаре» под редакцией Б.П. Нарумова находим уточнение: “*muñeco*... 1) кукла (*изображающая мальчика*)...” [4, с. 520].

Примечательно, что словари русского языка фиксируют два переносных значения слова «кукла». Одно связано с представлениями о бездушии и пустоте, с которыми, в частности, коррелирует бранное «Чертова кукла». Именно в таком контексте это выражение употреблено в рассказе Чехова «Дочь Альбиона». Второе переносное значение представлено устойчивым выражением «быть куклой в чьих-нибудь руках», обозначающим кого-то, кто послушен чужой воле. Таково в общих чертах ядро концепта «кукла».

В «Энциклопедии символов» Дж. Купера кукла трактуется как образ души человека [6, с. 167].

Таким образом, концептуальное поле «кукла» включает оппозиции «человеческое / нечеловеческое», «живое / неживое», «культурное / природное», «игра (вымысел) / реальность», «душа / бездушие», «воля / безволие». Все эти коннотации реализованы в рассказе Ю. Ковалея «Красная Сосна» с характерными для его поэтики смысловыми метатезами.

В рассказе «Красная Сосна» повествование ведется от первого лица. Это значит, что развертывание наррации отражает ментальные процессы, в первую очередь, повествующего персонажа. Его сознанием кукла, с которой «маленький печальный господин» гулял по набережной Ялты, воспринимается как живая. Отсюда и соответствующий набор языковых средств: «Кукла склоняла свою русую голову к нему на плечо» [5, с. 274]; «Спутница во всем с ним соглашалась» [5, с. 274]; «Кукла Генриэтта Павловна отчужденно глянула на мой этюд пластмассовыми глазками. На коленях у нее стояла сумка, набитая продуктами» [5, с. 275]. Вне данного контекста лексема «кукла» вполне бы могла иметь переносное значение. Однако обусловленное восприятием и пониманием рассказчика слово «кукла» выступает здесь в прямом значении, что создает эффект одновременно реальности и фантазмагоричности. Представление о кукле как о живом существе сохраняется в сознании рассказчика на протяжении всего повествования, приводит к ситуациям, когда герой начинает с ней разговаривать, а затем «заговаривает» и сама кукла. «– Господи, – вздохнула Генриэтта Павловна. – Ну, дитя же, дитя...» [5, с. 281]. Сказано было это о «маленьком господине».

Слово «дитя», определение-эпитет «маленький», основное значение слова «кукла», которое связано с забавой детей, – все это входит в смысловой объем концепта «ребенок». Ребенок противопоставлен взрослому. Подобная антитеза обнаруживается и в рассказе в системе персонажей. «Маленький господин» и кукла оказываются в оппозиции к окружающим. Они чужды толпе, которая бесцеремонно глазееет на эту пару, «тычет, к сожалению, пальцами», дергает куклу за волосы. Примечательно, что описание этих действий репрезентирует признаки концепта «невоспитанный ребенок», что усиливает

контраст между толпой и «маленьким» господином с куклой, которые в поведении являют образцы воспитанности и интеллигентности.

Рассказчик первоначально находится на границе оппозиции «свой / чужой (чуждый)». Ему, с одной стороны, «стыдно глазеть вместе с толпой» [5, с. 274] на гуляющего по набережной «маленького господина» с «огромной, в полчеловека куклой, которую он влек за собою, обхватив за талию» [5, с. 274]. С другой стороны, ему неловко, когда человек начинает танцевать с куклой в ресторане. «Посетители "Ореанды" растарашили свои налитые дымом глаза, некоторые наивно-восторженно разинули рты, глядя на танец с куклой. Разглядывали и меня с изумлением, дескать, это еще что за такое» [5, с. 278]. Постепенно художественная натура рассказчика диктует выбор в пользу игры, фантазии, а значит он тоже оказывается в оппозиции к толпе, что воспроизводит один из доминирующих планов концепта «художник».

Но если рассказчик подыгрывает человеку с куклой, то сам «маленький господин» живет вне игры, вне необычного. Он доверительно сообщает рассказчику о том, что его жена кукла: «Она-то думает, что она... а она уже кукла» [5, с. 279]. Здесь очевидна реализация метафоры «кукла – лишенная жизненной энергии и эмоций женщина». Неслучайно это признание происходит в контексте разговора о семейной жизни и о желании пригласить на танец живую женщину, пусть даже ту, что «так противно хохочет...», «дура и в подметки не годится Генриэтте Павловне» [5, с. 274]. В процессе реализации метафоры проявляется новый смысл слова «кукла», который коррелирует с традиционным переносным значением, но теряет неодобрительную экспрессивно-оценочную окраску. Примечательно, что рассказчик сам в тексте задает объем этого нового смысла слова «кукла» словосочетанием «ласковая терпимость» и изображает собственный мыслительный процесс в характерной для его стиля ироничной манере: «Я размахивал, кажется, немного руками, поясняя свои мысли, и даже показывал на пальцах, что такое "ласковая терпимость". Почему-то эта самая "ласковая терпимость" казалась огромной находкой моего практического ума» [5, с. 280].

Словосочетание «ласковая терпимость» характеризует отношения «маленького господина» и Генриэтты Павловны, которая в глазах рассказчика все больше и больше «оживает». Постепенно в лексиконе рассказчика слово «кукла» употребляется реже. Финальные фразы представляют уже человеческие, а не кукольные проявления: «Мы поспешили к столу, где маялась Генриэтта Павловна» [5, с. 281], «Я поцеловал руку Генриэтте Павловне...» [5, с. 282].

На этапе формирования представлений рассказчика, когда он должен сделать выбор в пользу толпы или чудака с куклой, в его сознании возникает связь «кукла – сосна». В концепте «сосна» актуализированы архаические представления разных культур о дереве, которое символизирует прямоту, жизненную силу, плодовитость. «Энциклопедия символов» Дж. Купера уточняет, что сосна отвращает зло, олицетворяет мужскую творческую силу [6, с. 315]. В «Энциклопедии символов» Г. Бидерманна отмечаются особенности восприятия сосны в Восточной Азии, где это дерево считается истинным «древом жизни», символизирует «долгую жизнь и неизменное супружеское счастье», «парный способ существования этого дерева символизирует супружескую чету» [1, с. 259]. В Японии ветки сосны служат оберегом, «ограждающим от злых духов, напастей и болезней» [10, с. 150].

Сосна в представлении рассказчика – тоже своего рода оберег, спасающий его от толпы, а в параллели с куклой – это знак пары. Оба эти значения

воспроизведены в следующем фрагменте: «Я сидел тупо, как волк, не решаясь почему-то уйти. Наверно, хересу было много. А чего-то другого мне не хватало. Чего? Неужели Красной Сосны? Но сосны не ходят с нами по ресторанам. Не помню ни одного художника, который водил бы по ресторанам сосны... А с нею было бы спокойней. Этот с куклой, я с сосной...» [5, с. 278]. Примечательно, что в данном случае сосна мыслится рассказчиком в категории женского рода, в то время как в большинстве культур сосне приписывается мужское начало. Это находит отражение и в языках. В русском языке сосна женского рода, а, например, в романских языках – мужского.

План содержания концепта «сосна», который включает такой смысл, как стойкость, актуализирован в представлениях «маленького господина»: «Когда меня начинают хватать за руки, я отчего-то сразу начинаю падать, очень кружится голова. Я бы и сейчас, наверно, упал, да вспомнил вашу сосну. Вы знаете, что я вам сейчас скажу? Надо быть сосною. Вот уж кто крепко стоит на земле! И как держится за небо!.. Но я, конечно, видел... видел, как падают сосны. Невыносимое зрелище» [5, с. 282]. Наряду с этим высказыванием, такие детали, как головокружение человека, которого хватают за руки, официанты, подходящие к столику вдвоем, упоминание о работе в тех краях, где растут корабельные сосны, рождает в сознании читателя набор ассоциаций, связанных с исторической и политической ситуацией в России: авторитарной властью, установившейся в XX в. Эти ассоциативно-образные репрезентации обуславливают пересечение периферийных полей концептов «кукла» и «сосна». Безволие, транслируемое значением фразеологизма «быть куклой в чьих-нибудь руках», в контексте ситуаций и высказываний персонажей рассказа воспринимается как ограничение свободы, идущее извне и заставляющее подчиняться силе. Под влиянием этой силы человек способен превратиться в «омертвевшую» куклу, из которой вынули душу. Та же жестокая сила способна сломить и стойкость сосны. Ассоциативный фон позволяет предположить, что с прообразом куклы случилась трагедия, связанная с особенностями времени, которое охарактеризовано автором посредством деталей, входящих в смысловое поле концепта «арест».

Периферийные значения концептов «кукла» и «сосна» дополняются в контексте рассказа и смыслами, которые связаны с темой искусства. Рассказчик – художник по профессии. В период встреч с «маленьким господином» и куклой он писал этюд, композиционным центром которого была красная сосна. В словаре Даля находим: «...по почве и качеству различают: сосну северную, красную, рудовую, стрижневую...» [3, с. 278]. Определение «красная» встречается в поговорке «Где сосна выросла, там она и красна» и имеет значение «красивая», «хорошая». Оба эти значения – родовая принадлежность и «совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху» [7, с. 260] – актуализированы во входящей в словосочетание «красная сосна» языковой единице «красная». Второе значение определения «красная» делает его эпитетом, а вне первого значения родовой принадлежности образ сосны мыслится как произведение авангардного искусства, поскольку интенсивность, качество и распределение цвета на картине могут быть произвольными. Неслучайно сам художник отделяет образ, созданный на картине, от реального объекта: «Та сосна, основная – главная, живая сосна, которую я писал, в этой сцене участия не принимала» [5, с. 275]. Отделяя настоящую сосну от нарисованной, рассказчик-художник объединяет себя с образом, равно как и куклу с господином: «Четко представлялась неловкая композиция, составленная

из четырех фигур: красная сосна на холсте – я – печальный господин – и Генриэтта Павловна» [5, с. 275]. Все эти персонажи находятся в противостоянии с толпой, которая в равной степени не принимает красную сосну на холсте и танец господина с куклой в ресторане.

Анализ позволяет увидеть, какие коннотации и ассоциации составляют периферию концепта «кукла» в рассказе Ю. Коваль «Красная сосна». Кукла в понимании автора – это предмет, артефакт, воссоздающий образ человека. При этом кукла оказывается живее, чем окружающие. Она способна слушать собеседника, сопереживать ему, ценить прекрасное и проявлять «ласковую терпимость». Душу куклы может увидеть только человек, наделенный фантазией художника. Все эти несвойственные для традиционного сознания представления возникают в сознании рассказчика-автора, транслируют индивидуальные смыслы, дополняют модель концепта «кукла».

Список литературы

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
2. Большой толковый словарь. – Режим доступа: <http://pda.gramota.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2: И-О. – 779 с.
4. Испанско-русский словарь / под ред. Б. П. Нарумова. – М. : Русский язык, 1988. – 832 с.
5. Коваль Ю. Красная сосна / Ю. Коваль. Листобой. – М. : Подкова, Дисконт +, 2000. – 512 с.
6. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М. : Золотой Век, 1995. – 402 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Хорнби А. С. Учебный словарь современного английского языка / А. С. Хорнби. – М. : Просвещение, 1984. – 769 с.
10. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : АСТ, 2003. – 591 с.
11. Diccionario de la lengua Española. – Режим доступа: <http://definicion.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. исп.
12. La dictionnaire multifonctions. – Режим доступа: <http://dictionnaire.tv5.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. фр.

ФУНКЦИИ ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ В. АКСЁНОВА «АПЕЛЬСИНЫ ИЗ МОРОККО»

М.Ю. Звягина, В.В. Аксёнова

В статье анализируется повесть В. Аксёнова «Апельсины из Марокко» с точки зрения функции хронотопа как системообразующего элемента жанра. Изменения свойств хронотопа повести приводит к появлению романтических интенций.

The article deals with the analysis of V. Aksenov's short novel "Oranges from Morocco" from the viewpoint of khronotop functions as a system building component of a genre. The modification of khrotop characteristics introduces novel intentions.